

ЮЖНАЯ ПАЛЬМИРА И ЕЕ ОБИТАТЕЛИ ВО ВРЕМЕНА М. С. ВОРОНЦОВА (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX века)

В первой четверти XIX в. Одесса становится центром Новороссии. Город быстро развивается, растет его население, состоящее из представителей многочисленных народов, культурных и политических движений юга современной Украины.

М. С. Воронцов, ставшим в этот период генерал-губернатором Новороссии, много сделал для развития Одессы, целого края. «Южная Пальмира», как тогда называли Одессу, превратилась в уникальный город с пестрым, многонациональным поселением, где интенсивно происходило взаимовлияние различных культур.

Ключевые слова: XIX век; Одесса; М. С. Воронцов; воспоминания.

У першій чверті XIX ст. Одеса стає центром Новоросійського генерал-губернаторства. Місто швидко розвивається, зростає його населення, що складається з представників численних народів, культурних і політичних рухів півдня сучасної України.

М. С. Воронцов, який став у цей період генерал-губернатором Новоросії, чимало зробив для розвитку Одеси та цілого краю. «Південна Пальміра», як тоді називали центр, перетворилась в унікальне місто зі строкатим та багатонаціональним поселенням, де відбувався інтенсивний взаємовплив різних культур.

Ключові слова: XIX століття, Одеса, М. С. Воронцов, спогади.

This article is about Odessa, its history in Vorontsov's period. In 1794 the city of Odessa was founded by a decree of the Empress Catherine the Great. From 1819 to 1858 Odessa was a free post. Odessa was a center of émigrés Greek and Bulgarian patriots, of the Ukrainian cultural and national movements, of Jewish culture.

Mikhail Semyonovich Vorontsov was a son of Count Semyon Vorotsov and nephew of the imperial chancellor Alexander Vorontsov. He spent his childhood and youth with his father in London, where his father was ambassador. Mikhail Vorontsov was appointed governor general of New Russia as the southern provinces of the empire. Odessa was a center of New Russia.

Key words: 19th century; Odessa; M. S. Vorontsov; Memoir.

Возможно, читатель по названию статьи понял, о чем будет речь. Конечно же, об Одессе и одесситах. Кстати сказать, в России столицу империи – Санкт-Петербург – тоже иносказательно именовали «Пальмирой», но только «Северной». Неужели черноморский город во времена М. С. Воронцова мог претендовать на такое сравнение? Рассказывают, одесситам и в те далекие годы был свойственный юмор... Однако предлагаем не спешить с выводами и совершить прогулку по старой Одессе.

Все началось с того, что 22 августа (по старому стилю) 1794 г. состоялась закладка портовых сооружений, и эта дата считается первым днем жизни города, названного впоследствии Одессой.

Надо отдать должное тем, кто планировал поселение. Его улицы расположились безупречно прямыми линиями. Одесса строилась удивительно быстро. Уже в 1797 г. одесский порт посетили 72 корабля, 50 из них повезли за границу зерно.

Коль идет речь о первых годах становления черноморского города, не можем не поспорить с некоторыми историками-краеоведами, которые всячески пытались преуменьшить роль иностранцев в развитии Одессы.

Советских исследователей еще можно понять: в истории нашего бывшего государства был период, когда с «легкой» руки тогдашнего партийного руководства началось возвеличивание «русского духа»,

«особого русского патриотизма», превозносились отдельные личности, сыгравшие определенную роль в создании Российской государственности, и под шумок проводилась активная русификация.

В годы, предшествовавшие Второй мировой войне, подобную политику пытались как-то обосновать. Например, активное наступление в Европе фашистской человеконенавистнической идеологии, которая и славян считала «третьесортными племенами», не способными к творческому созданию. Но вот наступили 1948–1949 гг.

Тогда, будучи деятелем науки и искусства, быть просто носителем нерусской фамилии считалось предосудительным и подозрительным. На этот раз руководство страны начало «борьбу» против пресловутого «космополитизма». Как можно было еще в начале 50-х годов даже намекнуть на положительное влияние, скажем, французов, немцев, итальянцев... в развитии русской культуры, экономики, науки? О евреях вообще предпочитали не вспоминать, как будто такого народа никогда не существовало, когда речь шла о существенном вкладе во все стороны жизни России. Зато, заявляя публично о так называемых безродных космополитах, власти имели ввиду граждан определенной национальности.

Но дело в том, что история Одессы является красноречивым примером того, как содружество разных народов, объединенных одной целью, способствовало процветанию города и даже целого региона Российской империи. Пожалуй, ни один городской центр в многонациональном государстве, каким всегда была Россия, не мог похвалиться таким обилием «племен, как и народов». Недаром Одессу еще называли «русским Вавилоном».

По этому вопросу предоставим возможность высказаться путешественникам, наблюдавшим город в рассматриваемый период. Вот, например, что писал Н. Всеволожский, посетивший Одессу по пути следования в Константинополь (Стамбул): «Я видал здесь людей всех наций: греков, итальянцев, французов, евреев, армян и толпу украинцев, отдыхающих между волами и фурами своими на площадях».

«Одесса – настоящий Вавилон», – утверждал немец Коль, объездивший Новороссию в конце 30-х гг. XIX века. Причем он подчеркивал, что среди случайных путешественников, а постоянно в уличной толпе он слышал разговоры на языках: русском, итальянском, турецком, греческом, болгарском, армянском, молдавском, венгерском, шведском, испанском и др.

А вот «кое-что об иноплеменниках» сообщает нам один из старожилов Одессы В. А. Яковлев: «Первые граждане г. Одессы были по преимуществу греки. После присоединения Хаджибея к России здесь были поселены греки и албанцы, сражавшиеся в рядах русских моряков в войсках с турками».

Евреи – продолжает этот коренной одессит – появились в Одессе в конце XVIII в., хотя Хаджибей был ими посещаем еще до своего присоединения к России... Появившись в Одессе, еврейские купцы мало-помалу вытеснили иностранцев и заняли в среде этого сословия первое место».

По свидетельству общественного деятеля и знатока-краеведа К. Скальковского: «Армяне были ци-

рюльниками, болгары – огородниками, молдаване – угольщиками, греки – булочниками и фруктовыми, евреи – факторами, стекольщиками, разносчиками, рабочими в хлебных магазинах; караимы – мануфактурщиками, итальянцы – рыбаками и портовыми рабочими; великороссы – плотниками, печниками, водовозами и кучерами; женская домашняя прислуга была малоросского и польского происхождения».

В Одессе русский язык таким образом стал языком межнационального общения. Однако посещавшие город русские писатели, журналисты поражались среди прочего своеобразием «одесского наречия», понять которое было непросто. Надо было иметь представление, по крайней мере, о дюжине различных языков, чтобы разобраться в тонкостях местного диалекта.

Константин Скальковский в этой связи отмечал: «"Одесский язык" был обязан своим происхождением массе малороссийских и польских слов и оборотов...».

Правда, автор цитируемых мемуаров общался главным образом со «сливками» одесского общества, и если они говорили на таком (русско-одесском) языке, то можно себе представить, например, наречие Молдаванки, где бок обок жили евреи, болгары, молдаване, украинцы, цыгане, албанцы (арнауты)...

По воспоминаниям того же Скальковского, «светлейшего князя Воронцова в Одессе обожали. Он заботился о крае, поощрял местных ученых... был обходителен» и т. п. Среди разнообразных достоинств генерал-губернатора отмечалось, что Михаил Семенович не отказывал в приеме любому одесситу и готов был выслушать жалобу. Хотя причин для недовольства было предостаточно, далеко не каждый простолгодин рисковал обратиться к «обожаемому» губернатору. Но дело не в этом. Ходатай, оказавшись в приемной генерал-губернатора, естественно, стремился с «их сиятельством» говорить по-русски. Как отмечалось, одесситы, особенно жители окраин, друг друга хорошо понимали, но Воронцов тем не менее был вынужден держать в своем штате специального «толмача» с «одесского» диалекта на русский язык.

Между прочим, как особо подчеркивали мемуаристы-одесситы, хорошо понимавшие «Воронцовскую эпоху», Михаил Семенович очень часто удовлетворял просьбу евреев, что было делом почти неслыханным для Николаевской России.

Продолжая тему «языка» позволю себе еще заметить: евреи часто «беспокоили» М. С. Воронцова. Но вот беда: они, как правило, говорили на идише, да и то очень неважно, поскольку не владели литературным языком.

Понимая ситуацию, при которой генерал-губернатор – «отец» для всех подданных – одесситов, Его сиятельство пользовался услугами так называемого ученого еврея при губернаторе. Действительно, такой одессит был умен, образован и знал, разумеется, родной язык не очень счастливых соплеменников.

Кстати сказать, М. С. Воронцов частенько советовался с таким «ученым евреем» по многим вопросам, особенно губернатора волновали экономические проблемы, и получал от своего «еврея» дельные предложения.

Завершая «национальную» тему, хочу отметить еще один важный аспект, своеобразного межнационального общения в тогдашней Одессе. Это начало формирования, если позволительно будет так выразиться, «одесского идиша». На языке идиш говорили евреи Украины, Польши, Литвы, Бессарабии, практически всей Восточной и отчасти Южной и Западной Европы. А в Новороссийский край и, в частности, в Одессу, устремились почти со всей Восточной Европы, хотя попадали и даже оседали, например, подданные турецкого султана иудейского вероисповедания.

По многим причинам, кроме родного языка – идиш, большинство вновь прибывших другого языка не знало.

Но в Одессе идиш превращался в своеобразный жаргон. Его многочисленные носители (в то время составляющие до ¼ населения города) использовали слова и обиходные выражения из украинского, польского, немецкого, итальянского и других языков обитателей многонациональной Одессы. Кроме того, нельзя не учитывать, что значительная часть еврейского населения города была не очень образована.

Таким образом, «бытовой» идиш, например, выходцев из Польши и Литвы отличался от родного языка еврейских переселенцев из Бессарабии. С другой стороны, отдельные еврейские слова и даже выражения (иногда не всегда цензурные) становились достоянием жителей окраин приморского города.

В описываемый период Одесса в определенной мере делилась на кварталы по национальному признаку. Это обстоятельство нашло свое отражение в названиях улиц и отдельных районов. Например, были: Итальянская улица, Греческая площадь, Арнаутская улица (Большая и Малая), Еврейская улица... Позднее деление становится по большей части условным. В самой Одессе, к счастью, не существовало позорной «черты оседлости» для евреев, запрещающая проживание (за редким исключением) в большинстве губерний Российской империи. Более зримым было социальное деление одесситов: в центре жили богатые жители города независимо от вероисповедания, по окраинам ютилась многоязычная армия бедняков.

Раз уж речь зашла об облике города, то вновь обратимся к свидетелям тех далеких лет. Одессит, живший в первой трети XIX в., вспоминает: «Улицы Одессы представляли своеобразное зрелище: треть домов представляла магазины или амбары для складов хлебов, преимущественно пшеницы; тротуары были вымощены частью плитою, частью местным дикарем, поставленным ребром, по бокам улиц росли чахлые акации, а вдоль текли ручейки по грязным водосточным канавкам. На главной улице, тогда Ришельевской, на тротуарах сидели под зонтиками евреи и еврейки и на земных столиках меняли деньги. Тут же толкались факторы хлебной торговли... Мостовые в Одессе были что-то невероятное. Вначале мостили камнем, поставлявшимся по большей части из Италии в виде балласта кораблями, приходившими за хлебом... Под влиянием езды, дождя и морозов, камень шоссе рассыпался и образовывались горы белой мелкой пыли, при дождях и зимой обращавшиеся в море грязи. В этой грязи тонули не только гало-

ши, но и экипажи и пьяные люди. Переход от одного тротуара на другой составил головоломную задачу...».

А ведь К. Скальковский писал эти строки значительно позднее, чем Одессу посетил А. С. Пушкин, также заметивший:

Все дома на аршин загрязнут,
Лишь на ходулях пешеход
По улице дерзает вброд;
Кареты, люди тонут, вязнут...

Все же Одесса довольно быстро приобретала черты европейского города, несмотря на сложные природные условия. Надо учесть, что город страдал от недостатка доброкачественной питьевой воды. Местные почвенные воды, насыщенные солью, были непригодны даже для стирки белья.

Благоустройство Одессы заботило и жителей города, и его власти, которые вводили специальные налоги для пополнения местного бюджета. И вот результат: еще в 1813 г. поэт Батюшков (1787–1855) писал: «Я приехал в лучший из городов наших – в Одессу». Уместно также привести отрывок из статьи писателя и художника П. Свиньина (1787–1839) «Взгляд на Одессу (из живописного путешествия по России 1825 г.)»: «... по длинному покатоному спуску входил на широкую великолепную улицу и с первых шагов видишь себя посреди богатого многолюдного города. Удостоверение сие увеличивается по мере приближения Ришельевской улицы к центру города: по обеим сторонам одной встречались огромные дома в 2 и 3 этажа, магазины, блестящие сокровищами Европы и Азии, и роскошные казино, полны посетителей...».

Что означает быть европейским городом, в частности, применительно к Одессе? Ведь еще великий русский поэт подметил:

«Там все Европой дышит, веет...»

Конечно, город, где только «веет Европой», и быть в действительности европейским городом, согласитесь, не одно и то же. И все-таки для Одессы, были характерны такие черты, которые во многом позволяют говорить о некоей исключительности.

Этот город задуман как южные ворота Российской империи. Достаточно в этой связи отметить, что одесский порт вплоть до конца XIX в. не имел серьезных конкурентов на Черном и Азовском морях. Кто станет отрицать, что первые администраторы Одессы не старались превратить город также в культурный центр юга империи. Удалось ли это в условиях Николаевской России?

К началу 30-х гг. Одесса уже имела две постоянные газеты: одну на русском языке – «Одесский вестник», другую – на французском «Journal d'Odessa». С 1838 г. «Одесский вестник» печатался также и на французском языке. При «Одесском вестнике» в виде приложения выпускались «Литературные листки», где начинали свою писательскую деятельность одесские поэты и прозаики А. Подолинский, В. Туманский и др.

В эти же годы в Одессе появляется первый литературный сборник «Одесский альманах». На его страницах охотно публиковались не только местные литераторы, но и всероссийские знаменитости того времени – Языков, Лажечников, Бенедиктов, Кукольник и др.

С 1832 г. в городе издается «Новороссийский календарь», который через семь лет переходит в собственность Ришельевского лицея. Стоит немного сказать об этом главном учебном заведении Одессы того времени.

Учредителем лицея, получившего название в честь герцога де Ришелье Арман Эманнюэль дю Плесси (1766–1822), был прибывший в Россию в 1812 г. аббат Николь Шарль Доминик (1758–1835). Что знал этот иезуит о стране и ее народе, куда его, как и сотни других французских эмигрантов, занесла судьба? Воспитанные в дореволюционной Франции, ревностные католики и аристократы по убеждению, презиравшие свой собственный народ, они не только ничего не знали о России, ее прошлом и настоящем, но не желали учитывать особенности новой для них страны. Зато они хорошо изучили русское высшее общество и его привязанности ко всему иностранному.

Иезуиты разработали свою особую систему образования, еще больше разделявшую сословия и народы. Для них время как будто остановилось, ибо жили они представлениями разве что XVII – начала XVIII столетия.

Шарль Доминик Николь оказался умным, достаточно образованным и гибким человеком, прекрасно понимавшим, что от него хотят аристократические круги России. «Красивым» словам Александра I он не верил. Зато этот «святой» знал: после разгрома Наполеона, Россия – лидер «старого» порядка.

В Одессе аббата принимают с распростертыми объятиями. Сперва Николь учреждает так называемый Благородный институт, а затем (1816 г.) Александр I повелевает превратить это учебное заведение в Лицей, подобно Царскосельскому.

Ришельевский лицей был создан для аристократического общества, которое помещая туда своих детей, находило в нем те же порядки и те же условия обучения и воспитания, которые существовали во Франции накануне ее Великой революции. Язык преподавания был французский, а русский оказался на положении иностранного, да и то еще в бытность Н. Н. Мурзакевича его преподавал учитель танцев.

Со временем положение в Лицее несколько изменилось. После изгнания иезуитов из России в 1820 г. в это учебное заведение стали принимать на службу русских учителей, и часть предметов начали преподавать на русском языке. В 30-х годах XIX в. Ришельевский лицей получает «характер отдельного и самостоятельного заведения, по составу своему и правам весьма близкого к университетам».

Помимо Ришельевского лицея, с состоявшей при нем семиклассной гимназией, в Одессе было немало других учебных заведений, созданных при содействии М. С. Воронцова. Кроме духовной семинарии и духовного училища, в конце 30-х – начале 40-х гг. были открыты вторая гимназия, уездное училище, несколько приходских школ, институт благородных девиц, женское училище для глухонемых.

Представители различных национальностей, проживавших в Одессе, имели свои школы. Так, например, в городе работали: греческие, немецкие, еврейские, армянские и др.

Еще в начале 30-х гг. по просьбе одесситов М. С. Воронцов добился разрешения открыть в городе Публичную библиотеку. Причем сам генерал-гу-

бернатор положил начало библиотеке, принеся ей в дар «Собрание дорогих по редкости сочинений». Пример Воронцова был подхвачен богатыми горожанами, жертвовавшими библиотеке книги, деньги для приобретения различных изданий.

В настоящее время Одесская областная научная библиотека имени А. М. Горького считается одним из богатейших книжных собраний Украины. В ее фондах хранится немало ценных книг, которые составляют значительную часть созданного в библиотеке музея редких книг.

В те же годы среди жителей Одессы усиливается интерес к истории и археологии своего края. Можно со всей очевидностью отметить, что важную роль в росте исторического самосознания одесситов сыграла и личная библиотека светлейшего князя М. С. Воронцова.

Генерал-губернатор часто поручал упомянутому выше Н. Н. Мурзакевичу «приводить в порядок» Архив, а также покупать иностранные книги, наполняя ими семейную библиотеку Воронцовых. Этот выпускник Московского университета обладал обширными знаниями, отменным трудолюбием и научной добросовестностью.

Николай Никифорович Мурзакевич тщательно ознакомился с памятниками истории и археологии Новороссийского края. Он также обследовал многочисленные частные архивы и прежде всего библиотеку Воронцовых. Ему удалось обнаружить Псковскую судную грамоту. Подлинные письма царевича Алексея Петровича (сына Петра I) и другие ценнейшие документы.

Кроме того, Н. Н. Мурзакевич изучил районы, где когда-то находились древнегреческие поселения, и даже подготовил интересный научный труд: «Географическая карта древних эллинских поселений при берегах Черного и Азовского морей, 1836 г.».

Исследователь не обошел своим вниманием и Крым. Интерес к истории этого полуострова не вызывает удивления. Восхищает то, что Н. Н. Мурзакевич за сравнительно короткий период, естественно, при финансовой поддержке князя М. С. Воронцова, совершил туда несколько научных экспедиций и в 1837 г. он издал очередное исследование: «История Генуэзских поселений в Крыму».

Н. Н. Мурзакевич был среди главных учредителей «Общества истории и древностей», начавшего свою деятельность в 1839 г. Между прочим, генерал-губернатор Новороссийского края охотно поддержал инициативу одесских любителей старины по организации «Общества», разрешив его членам проводить археологические раскопки по всему югу России.

Как уже отмечалось, в Одессе проживало немало состоятельных людей, которые пеклись не только об увеличении своих доходов. Многие одесские богачи занимались филантропической деятельностью, а также пытались подражать римскому патрицию Гаю Мecenату. Например, следует отметить открытие по инициативе частных лиц «новой русской библиотеки» Золотова и Тотти; «Гагаринского театра», в котором ставились пьесы и была балетная труппа. Стоит ли удивляться, что даже такой эстет, как русский поэт Я. П. Полонский (1819–1898), писал: «Нигде по всей России не было столько европейцев, или западной окраски, как в этом южном дешевом и привольном русском городе».

Под «европеизмом», по-видимому, еще следует понимать особый вольный дух Одессы, где ее обитатели чувствовали себя относительно свободно по сравнению с жителями других городов Российской империи.

Тридцатые годы XIX в. в России... Многие жители страны тогда хорошо помнили события 14 декабря 1825 г., прошедшие в Петербурге, когда горсточка дворянских заговорщиков пыталась изменить существующий в империи строй. Затем казни руководителей бунта, десятки других были сосланы в Сибирь, разжалованы в рядовые и отправлены на Кавказ, где не прекращалась война с горцами. Россия стала походить на огромную казарму. Жизнь в огромной стране регламентировалась до мелочей.

Николай I (1796–1855, годы правления: 1825–1855), серьезно обеспокоенный брожением среди офицеров армии, представителей интеллигенции, чуть ли не ежедневно стал издавать строгие предписания, касающиеся личной жизни обывателей.

Из университетов изгоняли слишком либеральных, по мнению властей профессоров; студентов, заподозренных в «непозволительных разговорах», исключали из высших учебных заведений и призывали в армию для «перевоспитания». Более того, даже повседневное поведение подданных определялось установленными правилами. Им, например, запрещалось курить на улицах, носить цветы в петлицах, расстегивать пуговицы на форменной одежде, даже ношение очков и бород считалось признаком «опасного» вольнодумства. Время от времени устраивались процессы над инакомыслящими, а в полицейских участках служители не уставали сечь розгами людей даже за незначительную провинность.

А ведь как Николаю I не лютовать... Только недавно улеглись страсти из-за «злоумышленников» – дворян, как вновь в Европе бунтуют, угрожая спокойствию в Российской империи. Царь и его окружение не без основания считали, что русское население – терпеливое и послушное, если его почаще пороть. Это – не французы, спешащие в июле 1830 г. на баррикады, и не поляки, поднявшие мятеж против власти русского императора в ноябре того же года. Но польские инсургенты вновь просчитались. Русская армия к октябрю 1831 г. установила на территории Польши николаевские порядки.

В самой России правительство не сидело «сложаруки»: помимо репрессий, власти принялись активно распространять провокационные слухи, направленные против всегда недовольных интеллигентов. А также «инородцев». Им инкриминировались «поджоги» и стихийные бедствия, убийства с «ритуальной целью», эпидемии холеры и даже попытки «свернуть» православных.

Уехать из России в те времена было непросто. По воспоминаниям уже знакомого нам Константина Скальковского: «Поездка за границу, кроме как для нескольких счастливиц, считалась событием, о нем рассказывали всю жизнь... Поездка во Францию вообще не разрешалась».

Коль речь у нас зашла о Николаевской России, то будет вполне уместным обратиться к интересному источнику той эпохи – мемуарам французского аристократа Астоляфа де Кюстина (1790–1857).

В официальном Петербурге вряд ли кто мог подумать, что маркиз де Кюстин, писатель и путешественник, семья которого пострадала в результате Французской революции конца XVIII в., напишет книгу о России, поразившую современников своим откровенным разоблачением царского самодержавия.

Николай I, видимо, желая создать о себе в Европе более благоприятное впечатление, обрадовался приезду в Россию маркиза де Кюстина. Как правило, к путешественникам-иностранцам чиновничья Россия относилась с величайшим подозрением. И ведь было что скрывать от вездесущих журналистов, но этому французу оказали прием. Ему предоставили возможность свободно передвигаться по стране, посетить обе столицы, а также Нижний Новгород.

Но как только книга де Кюстина «Россия в 1839 г.» появилась во Франции, ее тотчас же запретили ввозить в пределы Российской империи. Однако этому произведению не помешало быстро обрести читателей и в петербургских дворцах, и в московских особняках.

А. И. Герцен писал, имея в виду скандальную публикацию: «Без сомнения, это – самая занимательная и умная книга, написанная о России иностранцем». Только в 1930 г. впервые появился перевод книги де Кюстина на русский язык. Правда, перевод подвергся существенным сокращениям, что не помешало сохранить лишь то, что придает ей и в настоящее время значение ценного исторического документа. В 1990 г. в издательстве «Тера» было переиздано сочинение де Кюстина под названием «Николаевская Россия».

Жаль, конечно, что маркиз де Кюстин не побывал в Одессе. Быть может, этот наблюдательный автор увидел бы в «Южной Пальмире» также, что не было замечено другими путешественниками. Но то, что он сообщает об увиденном в Петербурге, Москве... , дает основание полагать: в Одессе даже тогда так не могло быть.

Позволю себе в качестве примера следующую цитату из книги де Кюстина: «...Везде и всюду лишь младшие чины, выполняющие приказы старших. Это население, состоящее из автоматов, напоминает шахматные фигуры, которые приводит в движение один лишь человек, имея своим незримым противником все человечество. Офицеры, кучера, казаки, крепостные, придворные – все это слуги различных степеней одного и того же господина, слепо повинующиеся его воле. Это шедевр дисциплины. Здесь можно двигаться, можно дышать не иначе, как с царского разрешения или приказа. Оттого здесь все так мрачно, подавлено, и мертвое молчание убивает всякую жизнь. Кажется, что тень смерти нависла над частью земного шара. Среди населения, лишённого радостей и собственной воли, видишь лишь тела без души и невольно содрогаясь при мысли, что столь огромное число рук и ног имеют всего одну лишь голову».

И еще в этой связи: мной уже отмечался «вольный дух» Одессы, где «веяло Европой», тогда как, по выражению де Кюстина: «Нет в наши дни на земле человека, который пользовался, бы столь неограниченной властью. Вы не найдете такого ни в Турции, ни даже в Китае...».

Правда, иной читатель может подумать, что Одесса как будто не имела прямого отношения к Николаевской России. Одесса была, конечно же, неотъемле-

мой частью могущественной империи, но состав населения, особое экономическое положение города и ряд других факторов существенно влияли на общественно-политическую жизнь центра Новороссийского края.

Но вернемся в Одессу в 20-е годы XIX в. В городе прогрессивное и вольнолюбивое население, представленное лучшей частью интеллигенции, чиновников, военных, чувствовало себя весьма уютно. На городских квартирах, а нередко в солидных особняках, собирались молодые люди; с пониманием относившиеся к заговорщикам («южным» и «северным»), будущим декабристам, пытавшимся поднять восстание на Сенатской площади в Петербурге.

В Одессе нашли убежище сотни жителей Балкан, бежавших на юг России, спасаясь от преследования турецких властей. Еще в 1814 г. здесь было основано тайное общество «Гетерия», которое ставило перед собой задачу подготовить восстание в Греции против оттоманского ига. Когда началось вооруженное выступление греков, многие жители Одессы готовы были отправиться на острова в Ионическом и Эгейском морях, чтобы помочь инсургентам.

Не меньше греков от турецких властей страдали и другие христианские народы Балканского полуострова, в частности, болгары. Тысячи болгарских беженцев поселились на юге Новороссийского края и Бессарабии, местные жители также сочувственно относились к их борьбе за свободу. Отдельные болгарские патриоты, нашедшие убежище в Одессе, открыто обращались к подданным Российской империи, рассчитывая с их помощью одолеть турецких угнетателей.

Таким образом, в первой четверти XIX в. Одесса превратилась в своеобразный центр антитурецкой деятельности. Богатые греческие купцы даже закупили оружие, надеясь переправить его на юг Балканского полуострова.

В Петербурге знали все: и об активности балканских патриотов, и об их поддержке значительной частью российских подданных. Властям было также известно о настроениях некоторых молодых одесситов и об их контактах с представителями «Южного» и «Северного» обществ декабристов. Не случайно Александр I в 1824 г. писал: «Я имею сведения, что в Одессу стекаются из различных мест... многие лица, кои с намерением или по легкомыслию занимаются одними неосновательными толками, могущими иметь на слабые умы вредное влияние». Вскоре этот император умер, и новый монарх, Николай I, буквально за два дня до восстания декабристов с тревогой констатировал: «По всему видно, что в Одессе должно быть гнездо заговорщиков».

Казалось бы, после подавления восстания 14 декабря официальный Петербург займется, наконец, одесским вольномыслием. Но особых репрессий не последовало. Почему? На мой взгляд, здесь могут быть несколько причин, объясняющих терпимость правительства к жителям Одессы.

Во-первых, Николаю I удалось выявить и изолировать главных противников установленного режима. Если где-то еще сохранились сторонники декабристов, то напуганные жестокими наказаниями эти люди теперь уже не представляли опасности.

Во-вторых, Одесса к тому времени превратилась в центр хлебной торговли России; город быстро богател, десятки крупных торговцев из различных стран

охотно сотрудничали с русскими купцами. В южных районах Новороссийского края возникали многочисленные поселения колонистов, среди которых было немало иностранных подданных. Без всякого сомнения, они способствовали экономическому развитию огромного региона империи.

Таким образом, аресты или иные формы преследования «неблагонадежных» подданных, изгнание из Одессы иностранцев, сражавшихся на Балканах, закрытие газет и всякого рода «Альманахов» только осложнило бы деловую активность в городе, напугали «добропорядочных» европейских буржуа. По всей вероятности, все эти репрессивные меры привели бы к сокращению хлебной торговли, что нанесло бы огромный ущерб всему государству.

Еще важно отметить: русский император подтвердил широкие полномочия, данные генерал-губернатору Новороссийского края, князю М. С. Воронцову. Это свидетельствовало о полном доверии и одобрении его деятельности.

Между тем известно, что М. Воронцов прогивился каким-либо репрессиям в Одессе по политическим мотивам, стремясь упрочить благоприятное о себе впечатление.

В Одессе наблюдались даже чисто внешние признаки свободы. По словам К. Скальковского, «моряки ходили по бульвару в расстегнутых сюртуках... Военная служба исполнялась не очень строго». Ему вторит немецкий путешественник Коль. По его свидетельствам, в Одессе «не застегивают наглухо мундиров, на улицах курят даже извозчики, на балконах домов разговаривает и смеется молодежь, мужчины позволяют себе носить цветы в петличке».

Нельзя не согласиться с Кодем, приписывавшим свободу одесских нравов благотворному влиянию порто-франко. «Подобной свободы мы не встречали ни в одном из русских городов».

Иной читатель может подумать: неужели свобода заключалась только в том, что люди могли не таясь курить, смеяться на балконе, носить где угодно цветы? В том-то и дело, что для России были характерны жесткие, унижавшие достоинство человека нравы: грубый окрик, ханжеская мораль религиозных обскурантов, неприязненное отношение к интеллектуалам...

В эпоху Николая I даже высокопоставленные чиновники не чувствовали себя в безопасности. Их будничники не секли. Однако уволить со службы и при необходимости конфисковать имущество, даже сослать куда подальше, причем без объективного суда и следствия – таких примеров было немало.

А положение военнослужащих, особенно нижних чинов... За малейшую провинность – порка, а за слишком вольное поведение даже офицер мог подвергнуться суровому наказанию. И это несмотря на то, что русские солдаты выполняли любые приказы. Они подавляли освободительное движение в Европе, держали в страхе население покоренных регионов Российской империи. Конечно, такая миссия тяжким бременем ложилась на народ, самого пребывающего в рабстве.

И вновь – Одесса. Заграничные новости достигли жителей Одессы гораздо быстрее, чем они становились известными в других городах империи. Наблюдательные вояжеры отмечали, что как только ино-

странное судно бросало якорь в одесском порту, толпа любопытных обывателей устремлялась к этому кораблю. Подобная ситуация весьма живописно запечатлена в «Одесском альманахе»:

Бывало только что примчатся
Суда со стороны чужой,
Негоцианты вдруг толпой
По улице зашевелился;
Кто ждет товаров, кто друзей,
А кто из-за моря вестей...
И сколько новых разговоров,
Соображений, толков, споров,
О войнах, мире стран чужих,
Иль о банкротствах роковых.

Одесситы о заморских странах знали немало и могли судить о них не только по экзотическим товарам, поставлявшимся в город-порт. Если вся остальная Россия сидела на «голодном информационном пайке», то одесситы, читавшие по-французски, имели возможность знакомиться с европейскими новостями посредством периодических изданий, доставляемых из Парижа, Марсея, Лиона...

Революция 1830 г. во Франции еще больше усилила изоляцию этой страны русским правительством. Между тем в частных библиотеках Одессы, в том числе Воронцова, можно было найти издания (памфлеты, журналы, книги), рожденные революционными событиями в Париже.

Можно понять замечание Коля, имевшего в виду Одессу: «О политике говорят почти все, что пожелают; касается даже России, как будто она почитается здесь иностранным государством». Правда, уместно вспомнить, что в Одессе проживало немало людей, связанных не только деловыми, но и родственными узами с Францией, Италией, Германией...

Итак, если судить по воспоминаниям очевидцев, в Одессе горожане могли позволить себе открыто обсуждать внутренние дела и внешнюю политику России, тогда как в остальной части империи за подданными зорко следили. Для этой цели Николай I еще в 1826 г. учредил III отделение собственной канцелярии. Оно ведало политическим сыском и надзором, в его распоряжении находился особый корпус жандармских войск.

Откровенно говоря, николаевская тайная полиция даром хлеб не ела. Уже в год основания III отделения общественность России была потрясена «делом» поэта А. Полежаева (1805–1838). Позволим себе сказать несколько слов об этом удивительном человеке и его трагической судьбе.

Александр Иванович был сыном богатого помещика и крепостной девушки, детство которого прошло в «людской» среди крестьян и ремесленников. В 1820 г. способный юноша поступил в Московский университет. Будущий поэт оказался в среде талантливой молодежи, мечтавшей о свободе. В 1826 г. А. Полежаев написал поэму «Сашка», в которой он резко критикует современное ему светское общество, откровенно выступает против самодержавия.

Донос на поэта и его товарищей не заставил себя долго ждать. В нем, в частности, говорилось, что воспитанники Московского университета «не уважают закона, не почитают своих родителей и не признают над собой никакой власти».

Разгневанный царь в порядке наказания приказал призвать А. Полежаева на военную службу. При этом создав молодому поэту невыносимые условия, которые в конце концов привели Александра Ивановича к преждевременной кончине.

Может сложиться впечатление, что Одесса в это время представляла из себя своеобразный гайд-парк, где разрешалось свободно выражать свое мнение в присутствии многочисленной толпы. Утверждать подобное, значит выдавать желаемое за действительное, хотя мы попытались объяснить причины относительно либеральной политики, проводимой в Южной Пальмире местными властями.

Следует только несколько уточнить: в то время в Одессе не было университета, следовательно – студентов и профессоров, критически настроенных к существовавшим порядкам. В Ришельевском лицее учились либо дети иностранных подданных, либо местные отпрыски из состоятельных и лояльных правительству семей.

Конечно, и в Одессе окопалось «недремлющее око» правительства, однако специфика молодого города пока еще избавляла местных жандармов от активной деятельности. Это не значит, тем не менее, что в Одессе во времена М. С. Воронцова можно было обойтись без полиции. Удивляет другое: в Одессе и в те годы весьма вольготно себя чувствовали криминальные элементы.

Правда, до «королей» преступного мира общегосударственного масштаба было еще далеко, но в городе создавалась благоприятная обстановка для рождения «князей» воровских притонов и «принцесс» темных махинаций.

Как неоднократно отмечалось, город очень быстро строился и богател. Значительная часть его населения так или иначе была связана с торговлей. В городе проживало много состоятельных семей, предпочитавших иметь солидный штат слуг, а вот строителей, каменотесов, портовых грузчиков явно не хватало. Нужны были рабочие руки, и они находились. В Одессу стекались десятки, сотни людей, готовых взяться за любую работу, лишь бы не спрашивали право на жительство в городе и не интересовались бы их прошлым.

Одесские окраины нелегально населяли беглые крепостные, находившие здесь вполне надежное убежище, и удалые каторжники, имевшие большой опыт конфликта с законом. Разумеется, полиция знала о том, какой народ скрывается в сомнительных ночлежках, но заниматься поисками беглых «душ» не торопилась, взирая сквозь пальцы на постоянный рост беспаспортного населения.

И не подумайте, что полицейские чины, проявляя подобную терпимость лишь заботились о наполнении одесских предприятий рабочим людом. Нельзя не признать, что в Одессе полицейские не оставались в накладе от тех, кто был крайне заинтересован в местной специфике.

Так что должно было пройти немало лет, прежде чем в Одессе «политических неблагонадежных» окажется меньше, чем коллег знаменитого Мишки Япончика.

Впрочем, в 30-х гг. XIX в. на одесских улицах больше пели, нежели грабили и убивали. Все, кто впервые посещал Одессу, неизменно отмечали лю-

бовь ее обитателей к музыке, в частности, к опере. Если судить по описаниям очевидцев, то оперное искусство стало жизненной потребностью одесситов. Цензор К. Зеленский в очерке «Жизнь в Одессе» подчеркивал: «Ни в одном из наших городов это искусство не составляет собой стихии, которая бы столь резко входила в состав общественной жизни, как в Одессе».

Не следует забывать, что значительная часть одесского простонародья в первой трети XIX в. состояла из итальянцев, таких страстных любителей музыки и пения.

Как только открывался сезон итальянской оперы, улицы черноморского городка оглашались ариями из любимых опер, исполняемыми публикой. Одесские меломаны делились на группы поклонников того или иного артиста и, порой, разгоревшиеся страсти любителей оперы вели к поступкам, ничего общего не имевшими с искусством.

Подводя итоги своему описанию жительствова в Одессе, К. Зеленский отмечал: «Жизнь в Одессе представляет все удобства и выгоды провинциального города в соединении с многими преимуществами столиц... И теперь уж столица южной России удовлетворяет самый утонченный, изысканный вкус... роскошью своих товаров и изделий...».

В самом деле, в Одессе не только общественно-политическая, культурная, но и экономическая жизнь была значительно разнообразней и интересней, чем в большинстве крупных городов Российской империи.

Конечно, на это имелись свои причины и одной из важнейших была та, что Южная Пальмира являлась административным центром Новороссийского края, управляемым в течение многих лет Михаилом Семеновичем Воронцовым. Жители Одессы помнили вклад, который внес этот человек в процветание города.

В 1863 г. в связи с 50-летним юбилеем Отечественной войны 1812 года на Соборной площади г. Одессы был торжественно открыт памятник М. С. Воронцову, автором которого были скульптор Ф. Бруггер и архитектор Ф. Боффо. На прекрасном постаменте возвышается величественная фигура воина-героя и усердного администратора, смотрящего на один из красивейших уголков Одессы.

Примечательно, что Франц Карлович Боффо (1796–1867) более 40 лет жил и творил в Одессе. Ему принадлежит авторство десятков замечательных сооружений в черноморской жемчужине, среди которых дворцы, жилые и общественные здания.

Далеко не все памятники, воздвигнуты благодарными одесситами, уцелели в годину революционного лихолетья. Но М. С. Воронцов, как и «дюк», устоял. И это прекрасное сооружение в центре города не позволяет забыть государственного деятеля, во многом благодаря которому один из мемуаристов той эпохи заметил: «Приятно ли жить в Одессе? – спросят любители удовольствий, желающие познакомиться с главным городом Новой России. Без всякого сомнения: здесь представляется все, что может занимать деятельного, образованного человека».

ЛІТЕРАТУРА

1. Архив князя Воронцова. Книга 1: Бумаги графа Михаила Илларионовича Воронцова / [сост. Бартнев П. И.]. – М. : Типография А. И. Мамонтова, 1870. – 656 + III с.
2. Архив князя Воронцова. Книга 2: Бумаги графа Михаила Илларионовича Воронцова / [сост. Бартнев П. И.]. – М. : Типография А. И. Мамонтова, 1871. – 642 с.
3. Атлас Д. Старая Одесса, ее друзья и недруги / Доротея Атлас. – Одесса, 1992. – 208 с.
4. Балух Д. Забытая Одесса : историч. Очерки : в 2 кн. / Д. Балух, А. Сурилов. – О. : Optimum, 2008. – Кн. 1: Одесса, которую мы забываем / Д. Балух. – Одесса, 2008. – 456 с.
5. Прошлое и настоящее Одессы : изд. Одесской гор. аудитории народных чтений ко дню столетнего юбилея г. Одессы (1794–1894) / [сост. А. И. Кирпичников, А. И. Маркевич]. – Репринт. изд. : Одесса : Л. Кихнер, 1894. – М. : МАИ, 1991. – 48 с.
6. Скальковский К. Воспоминания молодости: По морю житейскому. 1843–1869 / К. Скальковский. – СПб. : тип. А. Суворина, 1906. – 410 с.
7. Сурилов А. Адмирал де-Рибас / А. Сурилов. – Одесса : Южная Пальмира, 1994. – 310 с.
8. Сурилов А. Фельдмаршал Воронцов / А. Сурилов. – Одесса : Южная Пальмира, 1993. – 350 с.
9. Одесса. Очерк истории города-героя. – Одесса : Одесское обл. изд-во, 1957. – 320 с.

Рецензенти:

Левченко Л. Л., д-р іст. наук, доцент кафедри історії,
Чорноморський національний університет імені Петра Могили.
(Директор державний архів Миколаївської області)

Міронова І. С., д-р іст. наук, професор.
(Чорноморський національний університет імені Петра Могили)